

- развитие раннего чешского города (Прага X – начала XIII вв.). Саратов, 1995.
- ¹⁵ См.: Ясинский А. Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1865.
- ¹⁶ Там же. С. 107, 110, 125.
- ¹⁷ Там же. С. 125–126.
- ¹⁸ См.: *Magnae Moraviae fontes historici*. Brunae, 1966–77. Т. I–V.
- ¹⁹ См.: Лантева Л. П. Свод источников о Великой Моравии // *Вопр. истории*. 1981. № 10.
- ²⁰ См.: *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*. Pragaе, 1855. P. I.
- ²¹ *Ibid.* Pragaе, 1892–2005. P. II–V.
- ²² См.: *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*. Pragaе, 1904–1907. Т. I. (805–1197); Pragaе, 1942. Т. II. (1197–1230); Pragaе, 1962. Т. III (2). (1238–1240).
- ²³ *Ibid.* Pragaе, 2000. Т. III (3). (1231–1240); Pragaе, 2002. Т. III (4). (1231–1240); Pragaе, 1962. Т. IV (1). (1241–1253); Pragaе, 1965. Т. IV (2). (1241–1253); Pragaе, 1974. Т. V (1). (1253–1264); Pragaе, 1981. Т. V (2). (1265–1278); Pragaе, 1982. Т. V (3). (1253–1278); Pragaе, 1993. Т. V (4). (1253–1278); Pragaе, 2006. Т. VI. (1278–1283).
- ²⁴ *Fontes rerum Bohemiarum*. Praha, 1873–1932. Т. I–VIII.
- ²⁵ См.: Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государственности и культуры. Прага, 1963; *Он же*. Вклад чехословацкой археологии в изучение истории Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985; *Он же*. Великая Моравия и миссия Кирилла и Мефодия. Прага, 1987.
- ²⁶ См.: *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*. I–V. Olomuch, Brno, 1836–1846.
- ²⁷ См.: Лантева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848). М., 1985. С. 171.
- ²⁸ См.: *Dudík B. Dějiny Moravy*. Praha, 1875–1884. Díl. 1–9.

УДК 94(44).04 + 929 Фесслер

И. А. ФЕССЛЕР О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ФРАНЦУЗСКИЕ «УРОКИ» НЕМЕЦКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Д. В. Горбачев

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitr87@inbox.ru

Статья представляет собой анализ взглядов немецкого мыслителя И. А. Фесслера на Великую французскую революцию. Автор анализирует оценки, данные Фесслером, целям революции, деятельности революционных парламентов, роли широких масс населения. На примере Фесслера рассматривается отношение консервативной части немецкоязычной интеллектуальной элиты к французскому политическому опыту.

Ключевые слова: Французская революция, немецкий консерватизм, Фесслер, парламентаризм, республика, монархия, политическая теория.

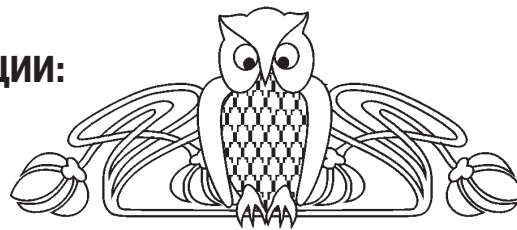
I. A. Fessler about the French Revolution: French «Lessons» of German Conservatism

D. V. Gorbachev

This article is the analysis of the views of German philosopher IA Fessler on the French Revolution. The author analyzes the assessments which Fessler gives to the goals of the revolution, the actions of the revolutionary parliaments, and to the role of the masses. On the example of Fessler, the attitude of conservative German-speaking intellectual elite to the French political experience is examined.

Key words: French Revolution, German conservatism, Fessler, parliamentarianism, republic, monarchy, political theory.

Значение Французской революции выходит далеко за пределы самой Франции. Сложный и противоречивый процесс ломки и трансформации социального и политического устройства одного

из крупнейших европейских государств оказал влияние на историю всего континента, активизировал общественную мысль, продемонстрировав различные типы государственного устройства, выбор между которыми во многом будет определять политический ландшафт последующей европейской истории.

Изучение влияния Французской революции на общественную мысль Европы, ее международного значения имеет давнюю и устойчивую историографическую традицию. Естественно, что и тема «Французская революция и Германия» неоднократно штурмовалась представителями различных национальных школ историографии как в целом, так и по отдельным «вершинам»: только за 1990-е гг. XX в. отечественные специалисты сквозь призму влияния событий во Франции изучали творчество Л. Тика, Х. Ф. Шубарта, А. Л. Шлёцера, Гельдерлина, Шиллера, К. М. Виланда, Гегеля, Гёте, Гейне, Гердера, Форстера¹.

Объектом внимания в данной статье стало отражение Французской революции в сознании одного из известных и популярных писателей и мыслителей того времени Игнатия Аврелия Фесслера (1756–1839 гг.). Этот масонский реформатор и религиозный деятель со временем был подзабыт, но интерес к его фигуре вновь возрождается в европейской и отечественной исторической науке последних десятилетий².

Сам Фесслер, которому довелось долгое время жить и во владениях Габсбургов, и в Пруссии,

и в России, по отношению к бурным событиям конца XVIII в. находился по большей части в роли стороннего наблюдателя. Фесслер не был во Франции и не видел самой революции. Лишь в 1806 г., когда Пруссия была разгромлена в войне четвертой коалиции, Фесслер, проживавший тогда в Бранденбурге, мог воочию наблюдать французскую императорскую армию, которая еще недавно была армией Революции³. Конкретно о непосредственной реакции Фесслера на революцию говорить очень сложно, в последнее десятилетие XVIII в. ему было свойственно дистанцироваться от политики⁴, он занимался чисто литературным творчеством, хотя, конечно, вопросы международной политики не могли совершенно остаться вне его поля зрения: так, в 1798 г. он, например, возражал против участия Пруссии в антифранцузской коалиции, считая, что эта война была бы для нее губительна⁵.

В систематизированном виде взгляды Фесслера на историю революции были изложены им позднее в изданном в 1824 г. философско-публицистическом труде «Результаты своих размышлений и опытов»⁶, который представляет собой сумму воззрений мыслителя на различные стороны жизни, включая также историю и политику. Анализ данного трактата помогает понять, как выдвинулись важнейшие исторические события того времени глазами современника – представителя умеренно-консервативной части немецкоязычной интеллектуальной элиты.

Признавая большую значимость Французской революции как исторического события и ставя её в один ряд с Реформацией как источником богатейшего исторического опыта⁷, Фесслер, однако, сам этот опыт оценивал как негативный. Экономической стороне революции Фесслер совершенно не касался, в политическом же плане она представлялась ему собранием примеров того, как нельзя управлять государством, того, что противоречило всем его идеалам и представлениям о наилучшем правлении.

Следует отметить, что Фесслер считал в принципе недостижимыми сами политические цели французских революционеров, причём не только на якобинском этапе, но и на более раннем и умеренном – конституционалистском.

Первую французскую конституцию 1791 г. Фесслер оценивал как «работу еще неопытного в науке законодательства ученика». В вину конституции ставились «колебания в принципах», «неопределённость в положениях», «очищенность от всей идеальности и метафизики права»⁸ (sic! – Д. Г.). Фесслер, в последние десятилетия своей жизни (когда, собственно, и систематизировал свои взгляды на Революцию) разделявший мировоззрение романтизма⁹, в данном случае следовал тенденциям своего времени, представляя государственное строительство вообще и законодательство в частности не как результат реальной политической обстановки со всеми её сложностями

и компромиссами, а как воплощение в жизнь неких абстрактных философских принципов.

И одновременно эта конституция представлялась Фесслеру слишком возвышенной для французского общества, по его мнению, еще «не доросшего до свободы»¹⁰. Фесслер отрицал за новыми политическими институтами, созданными во Франции революцией, саму возможность создать эффективно действующую систему государственного управления.

Законодательное собрание, которое в 1791 г. пришло на смену Учредительному и приняло на себя обязанность выполнять первую в истории Франции конституцию, представлялось Фесслеру лишь скоплением «крикливых энтузиастов, неистовых фанатиков и дерзких новичков»¹¹. Определяющим элементом в оценке Фесслера деятелей Французской революции было отрицание наличия у них государственной мудрости и способности решать реальные проблемы. Признавая, что революция «возможно <...> вывела на свет определенное количество людей с чрезвычайной силой гениальности и таланта, благоразумия и силы духа, проницательности и знаний», Фесслер, однако, был убежден, что подавляющее большинство людей, которые «направляли общественное мнение, <...> вносили проекты и формулировали постановления»¹², не чувствовало настоящих потребностей общества.

Парламентские органы новой, республиканской власти, провозглашенной в 1792 г., представлялись Фесслеру «играющими в республику детьми», которые «во всем, что требовало ясности идей, разносторонности взглядов, определенности понятий и связности выводов, терялись в суете путаных представлений или общих мест <...> и пытались компенсировать нищету духа многословием и фразерством»¹³.

В глазах Фесслера деятельность революционного парламента, независимо от того господствовали ли в нем конституционалисты, жирондисты или монтаньяры, виделась как цепь попыток отвлечься от решения насущных вопросов, требующих компетентности в государственных делах, путем сосредоточения внимания на всевозможных мелочах, с тем чтобы таким образом замаскировать свою политическую недееспособность и «бессилие духа»¹⁴.

Следует отметить, что Фесслер не пытался проанализировать и раскритиковать конкретные меры Учредительного и Законодательного собрания или Конвента. Его критика носила абстрактно-философский характер и демонстративна, скорее, принципиальное неприятие Фесслером коллективного государственного управления.

Отчетливо проявилось в мировоззрении Фесслера и крайне негативное мнение о роли в политической истории «толпы», широких масс, к которым активно апеллировали деятели революции. Обращение к широкому кругу жителей государства трактовалось Фесслером как «тщеславная

страсть большинства [деятелей революции. – Д. Г.] к одобрению <...> вульгарной парижской чернью»¹⁵. Чрезвычайно важное для французских революционеров умение привлечь внимание публики с помощью ораторских приемов оценивалось Фесслером, скорее, как актерство¹⁶, чем как необходимый элемент политики нового века.

При этом сама пресловутая «толпа» представлялась Фесслеру как сила не только сугубо разрушительная, но и по сути своей пассивная. Французское общество периода революции метафорически виделось ему как «многочисленная толпа громко смеющихся немых и рычащих глухих, которую шайка коварных слепцов подгоняла к страшной пропасти»¹⁷. По сути, Фесслеру была совершенно чужда вера в то, что на том этапе исторического развития широкие массы населения могли как-то внятно сформулировать и представить свои запросы, быть сколь-нибудь самостоятельной политической силой.

Таким образом, отношения в период революции между политиками и народом трактуются Фесслером двояко. С одной стороны, стремление лидеров преобразований получить широкую поддержку, обратившись к массам, вынеся политику из правительственных кабинетов и парламентских залов на площадь, воспринималось немецким теоретиком исключительно как популизм, призванный замаскировать профессиональную некомпетентность и вульгаризирующий само понятие государственного деятеля, заставляющий политика приспосабливаться к настроениям и желаниям людей, «не доросших», по мнению Фесслера, до свободы. С другой стороны, Фесслер не представлял эти массовые настроения иначе как направляемые самими же «коварными слепцами». То есть революционеры обвинялись Фесслером в том, что следовали потребностям «толпы», а «толпа» – в том, что следовала призывам революционеров. Эта взаимосвязь представляла в теоретических построениях Фесслера как своего рода порочный круг, обусловленный вторжением в политику людей, за которыми немецкий мыслитель не признавал политической зрелости и способности ответственно определять путь развития страны. Революционеры побуждали народ к решительным выступлениям своими речами, а народ, благоволивший к популистским жестам, побуждал тем самым революционеров выступать со всё более радикальными призывами.

Хотя, целиком придерживаясь позиции представителей консервативного политического лагеря, Фесслер и указывает на «коварство» революционных лидеров, он далек от того, чтобы полностью объяснять их поступки «злойским» нравом и не пытается объяснить специфику причин, определявших политику французских парламентариев.

Корень проблем революционной Франции Фесслер видел в том, что «среди присвоивших себе право <...> представителей не было ни од-

ного, который бы осознал и верно понял совокупность своего народа как одну большую индивидуальность»¹⁸. В вину французским политикам было поставлено то, что «каждый хотел измерить целое мелким масштабом собственного круга представлений или людей, в котором он сам вращался»¹⁹. С точки зрения Фесслера, изъян представителей французских сословий состоял как раз в том, что они действовали именно как представители своих социальных групп и политических направлений. В этом политическом разделении Фесслеру виделся своего рода эгоизм, перенесенный из сферы частной жизни на политическую трибуну, поскольку каждый деятель революции «высказывал лишь желания и потребности исходя из собственных особенностей, но не возможных или вероятных желаний нации»²⁰.

Таким образом, нация представлялась Фесслеру не как сложная совокупность различных по своим интересам, потребностям и взглядам групп населения и индивидов, а скорее как некая метафизическая абстракция, «одна большая индивидуальность», существующая вне конкретной исторической практики, обладающая «возможными или вероятными желаниями», которые не исходят из конкретных потребностей, озвучиваемых с трибуны собрания избранных представителей.

Следует при этом помнить, что фактически Фесслер отрицал наличие у французского народа политической сознательности и опыта и, таким образом, «желания нации» также не могли в его представлении определяться желаниями большинства составляющих ее граждан.

Ставя во главу угла национальные интересы, Фесслер при этом трактовал их в абстрактном смысле, исходя в большей степени из идей о «национальном» духе, чем из реальной политической практики Франции конца XVIII – начала XIX в. Не находя в действиях французских депутатов и уличных трибунов «следов всеобъемлющей идеальности»²¹, Фесслер не мог принять их целей даже в теории.

Что касается поиска Фесслером фундаментальных первопричин таких «поучительных событий», обращает на себя внимание тот факт, что, будучи теологом и священником, теоретиком, активно писавшим о роли церкви и религии в современном ему обществе, немецкий мыслитель, тем не менее, искал причины французских политических потрясений по большей части вне религиозной трактовки истории.

Фесслер уделил роли религиозных вопросов в возникновении революции немного внимания в своей «сумме воззрений», однако заключалось оно по большей части в общих сентенциях на тему того, что философия и религия представляют собой «два неразделимых светила вечного мира», затмение которых означает «мрачную ночь» в общественной жизни²², и в гневных филиппиках в адрес французского духовенства, принявшего

участие в чествовании ненавистного Фесслеру Вольтера²³.

Будучи представителем активно развивающейся в Германии в первые десятилетия XIX в. романтической историографии²⁴, Фесслер искал причины исторических событий в сфере метафизических понятий, однако направленность этих поисков была по большей части не религиозной, а национальной²⁵.

Не признавая за французскими революционерами способности представлять интересы французской нации, Фесслер саму эту нацию оценивал чрезвычайно низко. В его представлении французы были народом «сильным лишь в фантазии»²⁶, «великим лишь в остроумничании, моде и этикете»²⁷. Отторгая французскую политическую практику, Фесслер в конце жизни перенес негативное отношение и на Францию в целом. С его точки зрения, основная причина того, что революция вылилась для французов в болезненные потрясения, заключалась в «нехватке силы разума и остроты понимания», что считалось им характерной чертой французского общества в целом²⁸.

В представлении Фесслера французы к концу XVIII в. еще не конституировались в нацию, «базирующуюся на основательной организации и истинной духовности». Славу французов как «законодателей мод» в сфере духовной культуры и идеологии Фесслер считал незаслуженной и отрицал ценность французской философской мысли XVIII в., рассматриваемой как идеологическая база революции.

По мнению Фесслера, развитие теоретической мысли во Франции прекратилось со смертью «последних философов» этой страны, к которым он причислял Декарта, Мальбранша, Фенелона²⁹ и Паскаля³⁰. Таким образом, к концу жизни под влиянием негативного, с его точки зрения, политического опыта Фесслер перешел на позицию жесткой, вплоть до полного неприятия, критики философии французского Просвещения, к которой он сам в молодости проявлял большой интерес. Резким нападкам в сочинении Фесслера подверглись Руссо, идеи которого теперь трактовались немецким мыслителем как апофеоз «темного эгоизма, неспособности к дружбе и любви, энтузиазма к грубой, дикой независимости»³¹, и Вольтер, который стал изображаться Фесслером как «наглый остряк, раболепный княжеский льстец, невежественный хулигатель всего святого»³². Идеология, служившая обоснованием радикальных перемен, воспринимается теперь как изначально морально ущербная, как своего рода показатель заблуждения нации, ее неспособности предложить действительно полезные, с точки зрения Фесслера, политические идеи и философские принципы³³, а революция в таком контексте рассматривается немецким автором как результат этой духовной бесплодности, приписанной им французскому обществу³⁴.

Безусловно, в высказываниях Фесслера позднего периода отчетливо читаются франкофобские

настроения, явившиеся реакцией на революционные потрясения и экспансию времен Наполеоновских войн. Происходит «развенчание» Франции как образцового для Европы государства, ее политическая практика и теория оценивается как не только не пригодная для заимствования другими странами, но и как по природе своей ущербная, основанная на будто бы присущих французам легкомыслии и безответственности.

Авторитет французской нации и культуры Фесслер объявил ложным, основанным «не столько на их моральных ценностях, сколько на недостатке у других народов самосознания и национальной гордости»³⁵. Французское влияние на Европу трактуется как нечто поверхностное, наносное и скоропреходящее, как результат исключительно бездумного подражания французским манерам со стороны «высшего света», «придворных льстецов»³⁶.

С точки зрения Фесслера, европейским нациям того времени не хватало «глубокого национального духа и ясного осознания собственного достоинства», распространение которых, на его взгляд, положило бы конец культу французских нравов и идей и предотвратило бы повторение остальными государствами ошибок Франции³⁷.

На примере размышлений Фесслера можно отчетливо видеть, как немецкая национальная идея эволюционировала в представлениях германских консерваторов под влиянием Французской революции и конфронтации германских государств с Францией в конце XVIII – начале XIX в., явившейся во многом результатом этой революции³⁸. Как реакция на популярный в предшествовавший период космополитизм, все большее распространение получает идея немецкой «нации», противопоставляющая универсалистским идеям Просвещения принцип «национального духа». При этом формулируется этот принцип применительно к Германии во многом через противопоставление Франции, через попытку ликвидировать французское влияние в политической и культурной сферах с помощью радикального и полного отрицания способности французской нации и французского государства к «правильному» с точки зрения немецкой романтической традиции развитию.

Главным «уроком» Французской революции Фесслер считал «лишь новое доказательство старой истины <...> что поверхностно и односторонне представление, что государственное благо и счастье граждан можно основать лишь на формах и словах»³⁹. При этом сами республиканские или представительные формы правления, опробованные в ходе революции, Фесслер считал, по сути, фикцией, именно лишь пустым словом, лишенным реального содержания. С его точки зрения, республик в точном смысле этого слова не существовало никогда и не могло существовать⁴⁰. В принципе отвергая возможность коллективного руководства государством и не признавая способ-

ности представительных органов обеспечивать нормальное функционирование общественного организма, Фесслер всецело полагался на единоначалие, которое представлялось ему универсальным принципом ведения государственных дел как в монархиях, так и в «так называемых республиках»⁴¹.

Примечания

- ¹ Дунаева Ю. В. Французская литература XVIII в. Указатель литературы на русском языке за 1986–1999 гг. // Французский ежегодник. 2000. М., 2000. С. 255–256. Из более ранних работ см.: Деборин А. М. Фихте и Французская революция // Под знаменем марксизма. М., 1924. № 10/11, 12; Копелев Л. Немецкие литературные современники французской революции // Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы. М., 1940. Т. 6. С. 225–242; Мошковская Ю. Я. Георг Форстер – немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961; Она же. Отклики на процесс Бабефа в Германии // Французский ежегодник. 1960. М., 1961. С. 121–135; Волгина Е. И. Творчество Гете 1790-х годов. Гете и Великая французская буржуазная революция : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М., 1980.
- ² См.: Barton P. F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien ; Koeln ; Graz, 1969 ; *Id.* Jesuiten, Jansenisten, Josephiner. Eine Fallstudie zur fruhen Toleranzzeit : Der Fall Inocentius Fessler. Wien ; Koeln ; Graz, 1978 ; *Id.* Erzieher, Erzahler, Evergeten. Ein Beitrag zur politische Geschichte, Geistes- und Kirchengeschichte Schlesiens und Preussens 1786/1788–1796. Fessler in Schlesien. Wien ; Koeln ; Graz. 1980 ; *Id.* Maurer, Mysten, Moralisten. Ein Beitrag zur Kultur- und Geisgeschichte Berlins und Deutschlands 1796–1802. Fessler in Berlin. Wien ; Koeln ; Graz, 1982; *Id.* Romantiker, Religionstheoretiker, Romanschreiber. Ein Beitrag zur Kultur- und Geisgeschichte Deutschlands 1802–1809. Fessler in Brandenburg. Wien ; Koeln ; Graz, 1983 ; Maurice F. Freimaurerei um 1800. Ignaz Aurelius Fessler und die Reform der Grossloge Royal York in Berlin. Tuebingen, 1997 ; Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века : сб. Саратов, 1991 ; Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник : науч. тр. и публикации / под ред. проф. В. Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 190–215 ; Горбачев Д. В. И. А. Фесслер в Поволжье : о чем «забыл» автор мемуаров // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 88–92.
- ³ См.: Fessler I. A. Rueckblicke auf seine siebzigjaerige Pilgerschaft. Bresslau, 1824. S. 338–343 ; Barton P. F. Romantiker... S. 201–219.
- ⁴ См.: Barton P. F. Ignatius... S. 224.
- ⁵ Fessler I. A. Rueckblicke... S. 316. На позицию Фесслера также могло оказать влияние его увлечение идеями И. Канта, выступившего в 1795 г. с идеей «вечного мира». О кантианстве Фесслера см.: Fessler I. A. Rueckblicke... S. 254–255.
- ⁶ Fessler I. A. Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rueckblicken auf seine 70-jaerige Pilgerschaft. Bresslau, 1826.
- ⁷ Ibid. S. 219.
- ⁸ «Преданная всеобщей огласке первая конституция представляла собой наивысшую отметку тогдашней французской духовной культуры. Несомненно она была делом избранных, которые пользовались авторитетом передовых мыслителей у общественного мнения большого государства, и тем не менее почти каждая глава выдает работу ученика, неопытного в науке законодательства». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 222.
- ⁹ Barton P. F. Romantiker... S. 219–243. Следует отметить, что П. Ф. Бартон придерживался трактовки романтической историографии как сосредоточившейся в первую очередь на исследовании проблем национальности и государственности. Тема «Фесслер и романтизм, национализм, консерватизм» заслуживает отдельного обстоятельного разговора.
- ¹⁰ Fessler I. A. Resultate... S. 222.
- ¹¹ «Сохранение в рабочем состоянии и использование этой конституции, колеблющейся в своих принципах, настолько очищенной ото всей идеальности и метафизики права в ее толковании прав человека, что это делало ее недействительной (sic! – Д. Г.), неопределенной в своих положениях, еще слишком возвышенной для не доросшей до свободы нации, для богатого фантазией и бедного разумом народа, было теперь предоставлено собранию, которое по большей части представляло собой лишь крикливых энтузиастов, неистовых фанатиков и дерзких новичков». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 222–223.
- ¹² Ibid. S. 220.
- ¹³ Ibid. S. 221.
- ¹⁴ Ibid. S. 223.
- ¹⁵ Ibid. S. 220.
- ¹⁶ «Король и народ пожалели, что ждали блага от этих демагогов и актеров». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 220.
- ¹⁷ Ibid. S. 223.
- ¹⁸ Ibid. S. 220.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. Данная «всеобъемлющая идеальность» трактовалась Фесслером как некая способность политического деятеля уловить упомянутые выше «возможные или вероятные желания нации», встав выше «мелких» потребностей своей социальной группы.
- ²² Ibid. S. 223.
- ²³ Ibid. S. 221–222.
- ²⁴ См. основные исторические работы Фесслера: Fessler I. A. Die alten und die neuen Spanier. Die Völkesspiegel. Bd. 1–2. Berlin, 1824 ; *Id.* Die Geschichte der Ungern und ihrer Landsassen. Bd. 1–10. Leipzig, 1815–1825.
- ²⁵ О формировании немецкой национальной идеи и ее связи с философскими концепциями того времени см., например: Клементьев Б. С., Гладышев А. В. Философско-политическая ситуация в Германии конца XVIII – начала XIX вв. и национальный вопрос // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории : материалы междунар. науч. конф. Ставрополь ; Пятигорск ; Москва, 2008. С. 165–174.

²⁶ Fessler I. A. Resultate... S. 219.

²⁷ Ibid. S. 223.

²⁸ Ibid. S. 219.

²⁹ Мальбланш (Malebranche), Николя (1638–1715 гг.) – французский религиозный философ, последователь Декарта. Занимался проблемами морали и гносеологии. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XVIII-а. СПб., 1896. С. 495–496; Фенелон (Fenelon), Франсуа (1651–1715 гг.) – французский философ-моралист, писатель и педагог. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXXV. СПб., 1902. С. 455–457.

³⁰ Fessler I.A. Resultate... S. 223.

³¹ Ibid. S. 221.

³² Ibid.

³³ Ibid. S. 223.

³⁴ Ibid. S. 219.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. S. 219–220.

³⁷ Ibid. S. 220.

³⁸ На эту тему см., в частности: Epstein K. W. Die Ursprünge des Konservativismus in Deutschland. Der Ausgangspunkt : Die Herausforderung durch die Französische Revolution 1770–1806. Propyläen-Verlag, Berlin, 1973.

³⁹ Fessler I. A. Resultate... S. 225.

⁴⁰ Ibid. S. 226.

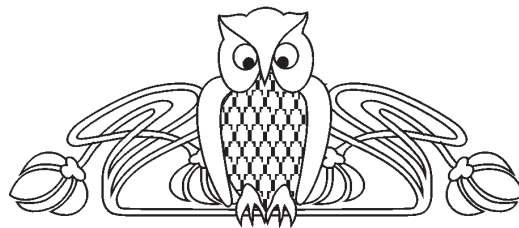
⁴¹ «Только эта односторонность могла <...> всерьез утверждать, что республиканская или представительная форма государства превосходит монархическую форму правления; в то время как основательным знатоком истории известно, что на протяжении существования всех народов и государств не существовало республик в полном смысле слова, что в так называемых республиках, как и в монархиях, все так долго идет хорошо, как единственный великий человек хранит и оживляет государственную машину». См.: Fessler I. A. Resultate... S. 226.

УДК 94(460).088.2

ИСПАНСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ФЛОТ В КАМПАНИИ 1936 ГОДА

Д. М. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: lary0312@yandex.ru

Структура размещения производительных сил Испании XX в. обусловила зависимость страны от фактора контроля прилегающих акваторий и основных морских коммуникаций. Вспыхнувший в 1936 г. военный мятеж усугубил ситуацию, при этом обеспечил Республике возможность добиться превосходства на море. Однако в первые месяцы гражданской войны ряд неудачных операций республиканского флота и основные политические шаги правительства в Мадриде позволили состояться морской блокаде. Таким образом, мятежники лишили Республику первоначальных преимуществ и в значительной мере предопределили собственный успех в гражданской войне 1936–1939 годов.

Ключевые слова: Испания, гражданская война, морская война, экономическая география Испании.

Spanish Republican Fleet in 1936 Campaign

D. M. Krelenko

Productive forces placement in Spain in XX c. made the country dependent on the control of the basic naval communications bordering the aquatorium. Military revolt, which broke out in 1936, made the situation even worse. However, it gave the Republic the opportunity to achieve sea superiority. Several failures of the Republican fleet during the first months of the Civil War and government policy of Madrid led to the sea blockade. Thus, the rebels deprived the Republic of the initial advantages and largely predetermined their own success in 1936–1939 Civil War.

Key words: Spain, Civil War, sea war, economic geography of Spain.

Три четверти столетия назад, 17 июля 1936 г. испанские вооруженные силы подняли мятеж. Сложнейший узел экономических проблем и вытекающая из этого социально-политическая напряженность давно разорвали испанское общество пополам. В результате глывшая десятилетие внутринациональная усобица закономерно переросла в масштабное братоубийство.

В свою очередь, созревший планетарный иерархический кризис с соответствующим комплексом межнациональных противоречий привел к интернационализации гражданской войны на Иберийском полуострове. Внутриспанский конфликт превратился в крупнейшее вооруженное противостояние межвоенного периода. Участники и наблюдатели событий организовали пролог и локальную демонстрацию глобального катаклизма, от которого человечество еще отделяли три с небольшим квазимирных года.

Закономерный интерес к прологу и выявлению причинно-следственных связей в рамках предвоенных и непосредственных процессов Второй мировой определил исследовательскую активность. В последние полвека испанская тематика обрела популярность. Однако познаваемый пласт испанской истории XX в. и ее ярчайшей страницы столь обширен, что считать круг вопросов основательно изученным преждевременно.